

<https://helda.helsinki.fi>

pÿ 'C60O @5GL 8 :><<C=8:0F8O A ?@54AB028B5;O
pÿ :C;LBC @ 2 A>2 @5<5==>9 EC4>65AB25==>9 ;8B5

Protassova, Ekaterina

2021

pÿProtassova , E 2021 , ' 'C60O @5GL 8 :><<C=8:0F8O A ?@54AB028B5;
pÿA>2 @5<5==>9 EC4>65AB25==>9 ;8B5 @0BC@5 ' , ><<C=8:0B82=K5 8A
no. 3 , pp. 465-480 . [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(3\).465-480](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480)

<http://hdl.handle.net/10138/334582>

[https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(3\).465-480](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480)

cc_by_nc

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Тематический выпуск

**НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ
МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ**

Thematic issue

**NATIONAL-SPECIFIC
MODELS OF COMMUNICATION**

ЧУЖАЯ РЕЧЬ И КОММУНИКАЦИЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНЫХ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.Ю. Протасова

Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Аннотация: Коммуникация между людьми в случае, когда один из них является носителем данного языка, а другой знает его, но как второй язык, представляет определенные трудности для обоих общающихся. Каждый из них должен идти навстречу другому: стараться формулировать мысли в доступной форме и вникать в содержание, для чего оба используют, например, общие слова (когнаты), заимствования, короткие предложения, аграмматичные формы. Национально обусловленные модели коммуникации кажутся странными тому, кто смотрит на них со стороны. Если человек вовлечен в них, оказавшись внутри ситуации, то может чувствовать либо свое превосходство, будучи поддержанным большинством в окружении, либо уязвимость и неадекватность, если он в меньшинстве. Иногда верность принимаемого решения относительно выбора поступка в межкультурном общении связана с опытом жизни в межкультурной среде. В статье исследуются несколько современных романов: «Книга Синана. Сердце за темным Босфором» Георгия Шульпякова, «Азарт» Максима Кантора, «Авиатор» Евгения Водолазкина, «Земля имеет форму чемодана» Владимира Орлова, «Ничья по-английски. Исповедь эмигрантки» Юлии Петровой и «Крайний» Маргариты Хемлин – на предмет отражения в них особенностей общения с иностранцами и представителями других языков, переключения кода и заимствований. Используется метод функционального анализа выборки примеров, составленной по формальным признакам. В качестве иллюстрации демонстрируются отдельные лексемы, реплики и диалоги, показывающие, что у каждого из рассматриваемых авторов отмечается особый подход к иноязычной, несколько стилистически окрашенной или чужой речи. Делается вывод о большом значении рефлексии над языком при создании художественного текста и об особых смыслах, отражаемых в представлении речи разных персонажей.

Ключевые слова: заимствование, вкрапление, переключение кода, разговор с иностранцами, стилистически окрашенная речь, межкультурная коммуникация.

Для цитирования:

Протасова Е.Ю. Чужая речь и коммуникация с представителями иных культур в современной художественной литературе // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 465–480. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480.

Сведения об авторе:

Протасова Екатерина Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор-адъюнкт отделения языков

ORCID: 0000-0002-8271-4909

Контактная информация:

Почтовый адрес: 00014, Finland, Helsinki, PO Box 24

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Дата поступления статьи: 14.05.2021

Дата рецензирования: 26.05.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

Введение

Вероятно, невозможно существовать в современном мире, не столкнувшись с иными языками, кроме того, который был первым усвоен с детства. К иноязычной речи можно относиться по-разному: осуждая кого-то за то, что тот не говорит на твоём языке; стремясь узнать и его язык; пробуя говорить на других идиомах; отмечая осознание этого факта в своей речи. Наивное отношение к чужой речи может быть обусловлено привычками с детства предрассудками: те, кто говорят не так, как мы, замышляют что-то против нас; они ленятся выучить наш язык; они нарочно говорят иначе, чтобы раздражать тех, кто говорит так, как надо; они могли говорить так же, но не хотят стараться. Вызывают раздражение и те, кто говорит ненормативно, а точнее, не в рамках тех правил, которые сам коммуникант считает единственно правильными. Инокультурная речь может вызывать отторжение, агрессию, смех, удивление, радость – целый спектр эмоций.

Такая оценка иноязычной речи свойственна первичному осознанию факта, что языков и лингвокультур множество, а впитанными с детства навыками и принципами поведения не исчерпываются типы общения. Однако это не так в сообществах, где несколько языков сосуществуют и дети вырастают говорящими на нескольких языках, хотя им могут передаваться не всегда объективные установки относительно того, какие языки в какой ситуации следует употреблять. Кроме того, существует и иерархия языкового престижа, и вариативность нормы в зависимости от геополитических факторов [Mustajoki, Protassova, Yelenevskaya 2021]. Принципы межкультурной коммуникации вырабатываются постепенно, в результате совершения и осознания множества проб и ошибок, усвоения знаний и рассуждений, кросс-культурных норм и законов интеракции [Ларина 2017]. Тем не менее не исключено, что при встрече с представителем иного слоя общества или новой культуры ошибки снова будут совершены.

Нам показалось важным посмотреть, насколько понятны эти задачи нескольким современным писателям, создающим свои произведения на русском языке, рефлексирующим по поводу соотношения своего и чужого в речи или пользующимся иными языковыми кодами для демонстрации некоторого важного содержания. Анализу этого аспекта их творчества, отчасти в сопоставительном плане, и посвящена настоящая статья.

Теоретическая основа исследования

Общение с людьми, говорящими иначе, чем ты сам, накладывает отпечаток на собственную речь: ее следует приспосабливать к уровню владения языком у иноязычного собеседника, в частности, минимизировать трудности, добавлять понятные элементы. Это упрощенный регистр, которым могут пользоваться как со специальными целями, например учителя при обучении языку или при объяснении материала обучаемым на языке, который они знают хуже, так и в спонтанном общении с зарубежными туристами, гостями, противниками, случайными попутчиками и т. п., когда требуется эффективно добиться взаимопонимания на языке, плохо знакомом собеседнику [Muysken 2008: 227–237; Rosa, Arguelles 2016]. Другие варианты упрощенного языка – общение с детьми, с пожилыми, с людьми с особенностями развития, с животными и с роботами. Так называемый *foreigner talk* может содержать признаки как гиперкорректности, так и «ломаного» языка, который, с точки зрения говорящего, более доступен слушающему. Он также характеризуется избытком преувеличенных жестов и часто неестественной мимики, наличием несуществующей морфологии, странным порядком слов, выпадением глаголов-связок, сокращением числа употребляемых грамматических маркеров, редукцией формы и содержания [Fáy 2012; Fedorova 2006; Rodriguez-Cuadrado, Baus, Costariguez-Cuadrado 2018]. Эти особенности отражаются и в произведениях художественной литературы, созданных современными писателями [Протасова 2013]. Л.В. Куликова и Е.Ю. Микалаускайте называют такой подход дискурсивной обработкой культурной чужеродности в литературном ксенонарративе [Куликова, Микалаускайте 2020].

Понимание того, что некто говорит не на твоём языке и что к иностранцу следует обращаться иначе, чем к соплеменнику, возникает примерно в начале школьного возраста и развивается со временем [Jaspers 2011; Labotka, Gelman, Dubow 2020]. Чтобы приспособиться к собеседнику, следует выстраивать гипотезы о потенциальном понимании с его стороны, о том, на какие модели мира он опирается, по мере порождения высказывания перепроверять, доходит ли до него содержание, всё ли воспринято так, как задумывалось. Для этого необходимо ориентироваться на его реакции и, по возможности, научиться адекватно их истолковывать, обсуждать непонятное. При рассмотрении случаев общения с иностранцами необходимо обращаться к методам психолингвистики, социо-

лингвистики, межкультурной коммуникации, конверсационного и дискурс-анализа [Fischer 2016; Wooldridge 2001]. Требуется адекватное представление о людях, с которыми происходит беседа, а значит, представление о национально обусловленных моделях коммуникации. Реципиент-дизайн должен содержать определенные параметры на всех уровнях языковой системы: следует отбирать лексику, фонетику, интонацию, просодию, морфологические элементы, синтаксис, прагматические характеристики. Общее для собеседников, в частности знание хотя бы некоторых слов, имен и фамилий, географических названий, исторических дат, актуальных событий, помогает найти точки опоры и отсылать к понятным собеседнику явлениям. Быть может, благодаря такой нагруженности смыслами регистр общения с иностранцами используется как художественный прием в литературе [Azevedo 1992; Mustajoki 2010].

Задачей настоящего исследования является разбор ситуаций, в которых повествование становится украшенным вкраплениями из чужой речи или где общаются с людьми, говорящими на ином языке. Эти признаки заимствований или трансформации дискурса отражаются в писательском нарративе как неизбежное следствие общения между представителями разных культур, слоев общества, идиолектов, региолектов, идиом. То обстоятельство, что современные писатели уделяют внимание этому аспекту повествования, отражает очевидное разнообразие их окружения и в настоящем, и в прошлом.

Материал и методы исследования

Для анализа были отобраны шесть разноплановых современных романов, в каждом из которых каким-то образом представлено столкновение культур. Культуры могут быть как иноземными, так и домашними. Знакомство с иным может происходить как на своей территории, так и за ее пределами. Результатом межкультурной коммуникации может быть расставание, уход некоторых героев и/или идиом, слияние или размежевание. Во многих случаях делаются попытки описать происходящее не с одной, а с нескольких позиций, глазами разных героев, что придает тексту многоперспективность.

Метод анализа был следующим. Вначале из текста каждого произведения отбирались фрагменты, в которых либо наличествовали рассуждения о языке и культуре, либо были иноязычные вкрапления, кальки с других языков или переключение кода. Затем материал систематизировался с точки зрения функциональности литературных приемов: с какими целями, в каких обстоятельствах, с какими языками происходит взаимодействие. Мы также сверялись с некоторыми источниками, чтобы понять, насколько авторская манера отражает индивидуальные предпочтения автора, его жизненный опыт или объективную реальность.

Результаты и обсуждение

В данном разделе мы представим полученные результаты последовательно, по каждому роману отдельно, рассматривая данные литературные тексты как целостные авторские высказывания.

«Книга Синана. Сердце за темным Босфором» Г. Шульпякова (М., 2015) имеет подзаголовок: «Потерять себя на Западе, чтобы найти на Востоке» – и повествует о россиянине, который приезжает в Стамбул (Истанбул), чтобы собрать материал и написать книгу о знаменитом архитекторе Синане (значение имени – «застрельщик», на самом деле – «копье, пика», прозвище – Абдур-Меннан, что значит «Сын раба Божия, Вседержителя», с. 92, ср.: [Свистунова 2019])), попадает в различные перипетии и в итоге, вероятно, погибает. Писатель рассуждает о том, кем по происхождению был этот человек: греком, сведущим в прекрасном, армянином, знающим толк в искусстве камня, или турком, лучше всех на земле ведающим о божественном промысле. Место действия предполагает, что будут использоваться мотивы разных культур и языков. Повествуется и о нескольких смешанных браках турок и русских.

Первое вторжение английского языка в повествование – надпись на майке Celebrate your image. Адреса могут быть на английском, турецком, русском или в переводе. Чистильщик обуви предлагает *шушайн* (от shoeshine). Возможен обмен высказываниями на искаженном английском: – *Вот ар ю лук фор, май френд? – Фан!* (с. 227). Фрагмент из детства: *Шайтан Маратка, айда смотреть абдейку!* (с. 154), видимо, из татарского, Абдейка – мужское имя.

Псевдо-мини-диалог с официантом на турецком дается в транслитерации и без перевода: – *Балык? – Балык йок.* [– Рыба? – Рыбы нет.] (с. 20). Используется также счет: *Бир миллион 'один'. Бурада? 'здесь', Хесан! Счет!* Упоминается *калам* 'палочка' каллиграфа, *каик* 'длинная гребная лодка', *хиджра* 'арабское летоисчисление', *азан* 'призыв к молитве', *галип* 'победитель, получающий превосходство', *мимар* 'смотритель за постройками', *айван* 'терраса в восточном доме'. Часто имитируется акцент гида: *Мой имя Мехмед; Пожалуйста; Очень-очень старые дома. Никто не живет в такие дома. Но охранять государство. Нельзя сносить! Памятник... Памятник сгорел – земля свободный; Нихарашё!; Плёхо!* и т. п.

Встречаются переводы с арабского, например *Сулейман-шах, ибн Селим-шах, хан, аль-музаффар да'има* означает 'Шах Сулейман, сын шаха Селима, хан, неизменный победитель' (с. 74). Сообщается о происхождении слова *Коран* 'чтение' от *iqra* 'читай'. Толкование слов, связанных с исламом: *кибла* 'направление к Каабе', в мечети ее обозначает *михраб* 'полая ниша в стене', *бисмилла* 'символ веры', *ходжа* 'совершивший хадж', т. е. побывавший в Мекке, *тугра* 'печать падишаха в виде вензеля'. Слово *башибузуки* используется в своем прямом значении: наемники из разных стран в армии султана. Иногда автор как бы имитирует выражения, ха-

ракетные для восточного стиля речи, например *легче мир трижды облететь на спине у джинна, чем найти мир таким, каким ты видел его в детстве* (с. 166). Из испанского заимствуется слово *амигос*, которое, скорее всего, понятно каждому, говорящему по-русски.

В русском языке есть заимствованное из немецкого выражение *швах* с чем-то [слабо], здесь встречается фраза «А с девушками полный швах». Согласно Национальному корпусу русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), в русском языке используется выражение *дело / дела швах, ситуация швах; полный / вообще / совсем / уже швах*, в которых это слово выполняет функции наречия, прилагательного или существительного. Есть конструкции *По сварке я – швах. По всем фронтам швах и С работой швах. С фамилиями швах*, где слово на самом деле заменяет русское *плохо*, но с долей самоиронии. Имеется фразеологизм *просто швах и крах*. Ряд употреблений связан с ростом значения этого слова в русском языке: *Грядет вселенский швах! Швах в личной жизни – провал в бизнесе. В какой бы швах ни завалились дороги, вдруг разом сходятся к ночи. Не поэзия, а швах... За твоё счастье и мой швах. Швах, швах, господа!* и т. д. Таким образом, немецкое заимствование *швах* наполовину адаптировано языком: оно не склоняется, но используется не только в конструкциях, которые могли бы быть заимствованными, но и развивает самостоятельные значения.

В антиутопии **М. Кантора «Азарт»** (М., 2017) разномастная интернациональная компания готовится к отплытию на корабле из Амстердама. Голландский язык упоминается в связи с произнесением фамилии историка Хейзинги и приветствия *С добрым утром!*, в которых как бы звучит матерное слово. Несмотря на то, что представители разных народов должны были бы испытывать трудности в общении друг с другом, особенности языков обсуждаются редко. Хотя английским многие в достаточной степени не владеют, участники событий обсуждают глубокомысленные вещи вполне свободно, на смеси русского, английского, немецкого и французского. Задаваясь вопросом о том, как происходило взаимопонимание, автор близко к началу повествования замечает, что все понимали друг друга, как бывает у пятилетних детей в интернациональном детском саду – *они говорят на особом детском наречии. Мы говорили на смеси всех языков разом – а может быть, то был протоязык? Кто знает, возможно, так беседовали строители Вавилонской башни – до того, как Господь пожелал башню разрушить и разделить языки и наречия строителей* (с. 43). Один из немцев говорит *айн-цвай-драй*, и один раз, обращаясь к француженке, заканчивает речь выражением *n'est-ce pas?* Йохан – музыкант с лиловыми волосами – рассуждает: *Время такое, динамичное время. Movida! Движуха* (с. 226). Все бесконечно перекидываются культурными штампами, обсуждая все культуры на свете.

В «Авиаторе» **Е. Водолазкина** (М., 2016) применен прием полисубъектного повествования, направленный на освоение чужеродного [Гримо-

ва 2017]. Неудивительно, что для автора-филолога, хорошо знающего немецкий, не составляет труда использовать разные идиомы в ткани повествования. Среди языковых особенностей романа назывались неполные предложения и эллипсис [Кунгурцева 2019], отражающие, как кажется, недосказанность и вариативность возможных трактовок, а также память, содержащаяся в языке [Савина 2021]. Один из героев романа – врач по фамилии Гейгер, немец, лютеранин – время от времени пишет что-то по-немецки: *abgemacht, sparsam, sehr demokratisch, schrecklich, Geld, aber schön, Wahnsinn, unglaublich, o, mein Gott, sprachfreudiges Mädchen, Zeit, Scheisse*. Иннокентий возвращается к канону Андрея Критского: «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний?» Ложная чужеземность протагониста выражается скорее в характере и отношении к жизни, чем в языке.

В романе **В. Орлова «Земля имеет форму чемодана»** (М., 2013) Куропёлкин оказывается в непонятном месте посреди океана, где его подбирает яхта. Дама обращается к нему со словами: *Сиддаун, плиз*. Осматривая его фигуру, другие восклицают, *будто дамы высшего света в Москве: «Bay!»* (с. 201). По жестам он догадывается, что его спрашивают о том, кто он и откуда, и его внутренний болтун не имел средств проявить себя, но всё же проговорил: *Я – русский. Рашен... Москва... Моряк... Морской волк; Мариман! Мичман! Боцман!; Рашен боцман! Моби Дик!*, но боялся назвать себя капитаном (с. 201). Вроде бы это обеспечивает ему контакт, потому что одна из дам повторяет: *Bay! Рашен Боцман!* Когда случается непредвиденное, Куропёлкин пытается объяснить на смеси слов: *Назад! Назад! Стоп машина! Полный цурюк! Полный назад! Там рашен субмарина... Атом!.. «Волокушка»!.. Я боцман «Волокушка»!.. Я один... уан... всплыл... Туда не надо!* (с. 203). Когда выясняется, что по крайней мере одна из дам говорит по-русски и требует от него сказать правду, он задумывается: *Правду? Хорошо... Их бин агент намбер zero zero сибен, агент МИ-6...* (с. 205). Здесь обыгрывается мировосприятие русскоязычного человека, плохо знакомого с иностранными языками, но уверенного в том, что везде в мире найдется кто-то, кто говорит по-русски.

Ю. Петрова в романе **«Ничья по-английски. Исповедь эмигрантки»** (М., 2014) рассматривает историю эмиграции, возвращения и намекает на то, что этим заграничная жизнь не будет исчерпана. Киевлянка Маша, героиня книги, изучала английский всю жизнь и мечтала об Англии, особенно о Лондоне. Став спортивным журналистом, приехала туда в командировку на два дня и плакала, расставаясь с городом. Оставшись сиротой, нашла способ получить мультивизу и отправилась покорять страну. Те, кого она встречает по дороге, молоды, пока еще плохо говорят по-английски и не имеют опыта, но хотят привезти домой кучу денег: *Пожалуй, наша компания охотников за удачей не особо отличалась от тех, кто приезжал сюда сто лет назад. Все эмигранты похожи. Проходит время, меняются эпохи, но люди остаются прежними. Некоторые преус-*

пеют, некоторых раздавит механизм чужого общества. История повторяется (с. 52). В поисках дешевого жилья героиня знакомится со словом и сразу ощущает к нему дружеские чувства на почве близкого менталитета: *Заграница вообще влияет на людей самым удивительным образом. Оставаясь дома, ты смотришь на любого приезжего как на иностранца. Но стоит отправиться в какую-то страну Восточной Европы – Польшу или Чехию – и ты заметишь, что любой русскоязычный человек автоматически становится роднее. А когда заберешься далеко на запад, те же восточно-европейцы покажутся самыми настоящими соотечественниками. В это же время Азия превращает в потенциальных родственников вообще любых европейцев* (с. 67). В тексте книги английские слова появляются тогда, когда речь идет о непереводаемых реалиях – *Home Office, Work permit*. В основном речь идет об иммигрантской среде, попытках найти любовь, свое место и работу и получить постоянную визу.

Рассмотрим более подробно роман **М. Хемлин «Крайний»** (М., 2016). Л. Хесед пишет: «Проза Маргариты Хемлин есть погружение с головой в полузабытый, уже почти чужой мир провинциального городка, любование вещами из бабушкиного сундука, наслаждение неповторимым, не описанным ни в одной книге языком еврейского местечка, и всё это – на фоне послевоенных лет, полных смуты, тревоги, истерии, о которых Хемлин впервые написала с удивительным спокойствием как о данности, которую нужно просто пережить» [Хесед 2012: 72]. Литературоведы обращают внимание на частое использование разных стилей и вкраплений из иных языков, на наивный стиль письма [Хесед 2012; Лепёнышева 2018; Остапчук 2017; Подавылова 2014]. Все исследователи сходятся в том, что в книгах Маргариты Хемлин есть что-то загадочное, непостижимое, платоновское, как бы нерукотворное, что не поддается простому воспроизводству.

Книга написана как отчет о жизни на особом русском языке от лица еврея, выросшего в Украине, в Остре. Его родители говорили между собой на идише, публично и с ребенком – на русском. Некоторые диалоги происходят на украинском. Иногда по-украински вставляются отдельные слова и фразы: *Язык, на котором мы говорили дома так же часто, как и на украинском, был знаком мне с молоком матери. Но и птицы же говорят на каком-то языке, и коровы, и кони. Язык – это ничего. Это даже больше, чем ничего, – зато знание идиша помогало в устном немецком на уроках в школе* (с. 26). Однако ближе к концу выясняется, что идиш героем забыт: *Я б вам по-еврейски сказал, но слова забыл. Честное слово, забыл! Повода не было. Кругом крепкая советская власть* (с. 233). Из идиша: *Вус? Вус ер загт?* С переводом: «Что он говорит?» и *Шма, Исрозэль* – «Слушай, Израиль», *Вэг, Сарра! Гей шлофн!* – «Не надо, Сарра! Иди спать!», *лехаим*, в речи других героев: *Агитэ нахт!, ауд, зунэлэ*.

Главный персонаж отмечает другие особенности речи и у других людей: *Черноватый солдат плохо говорил по-русски, а старший по званию*

– *чисто* (с. 31). Выясняется, что он армянин, и дед-украинец считает его героем песни «Друга я никогда не забуду, если з ним подружився у Москве...», хотя там был грузин. На протяжении диалога командир говорит по-русски, старик отвечает по-украински, мальчик с каждым из них говорит на его языке, а в авторский монолог может вставлять отдельные украинские слова типа *трохи* (ср.: [Савченко 2019]). Большое количество диалогов написано просто на украинском.

Русская речь усвоена героем в значительной степени в советском канцелярском варианте, в котором отсутствуют вторые части фразеологизмов или заменяются частями других фразеологизмов / штампов либо путаются интимный и общественный стили речи. Например: *Чего сюда приперся? Мало тебе страны от края и до края, от северных гор до Британских степей?*; *Коровы были тощие в результате бескормицы* – в разговорном стиле следовало бы сказать: *с голоду коровы отощали*. Или: *Израиль обожает цитировать разные религиозные присказки без учета места произнесения*. Или: *Приходили часы схватки с фашистами и их наймитами* – тут следовало бы заменить вид глагола и число существительного: *Подожёл час сражения / битвы*, или по-другому: *бои приближались*, а пропагандистское слово *наймиты* в устах подростка совершенно не годится. Можно привести другие случаи неуместного употребления русских слов. Например: *Выслушав мою неприкрытую историю, они разволновались...* (прилагательное *неприкрытый* неверно выбрано из синонимического ряда, где правильным вариантом было бы выбрать *искреннюю, без прикрас, подлинную, настоящую*). Или: *непредвзятая пьянка* (вм. *беспобудная*), *заснул, как скошенный* (вм. *свалился, как подкошенный*). Замена сочетаемости: *Гриша поддакнул, как смог. Язык у него сильно заплелся*. Неверное обозначение времени: *Сказал, что у тебя пока планы другие, но с периодом времени ты ее возьмешь*. Или: *Я стоял, как закопанный* (вм. *Я остановился, как вкопанный*), где неверно выбраны глагол и приставка. Неверный предлог: *Говори на полную силу!* Неверный падеж: *Янкель встретил меня плохим настроением*. Неверный выбор лексемы: *И рукой провел по окружности хаты*. Бывает, что рассуждение выглядит наивным или каким-то слишком мелочным: *Они еле держались на ногах. А стояли или уже упали, когда я калитку закрывал, неизвестно*. Под влиянием идиша образуются конструкции типа: *Зачем она такие нервные рассказы делает?*; *Старуха ни слова не бросила*; наивное образное описание: *Мама ехала на подводе. Ноги ее телепались, как ненужные*.

В раннесоветские времена для людей, не говоривших по-русски, не могло быть сколько-нибудь значительной карьеры, и необходимо было овладеть этим языком. Тем не менее многие персонажи свободно говорят на украинском, им отвечают по-русски или тоже по-украински. Когда нужно притвориться украинцем, протагонист замечает: *С языком трудностей не возникало и не могло возникнуть, поскольку у нас в доме гово-*

рили или на идише, или по-украински, или на смеси русского с украинским. Особое дело. Суржик. Не каждый сможет. Единственное что – я следил за отсутствием еврейских слов в своей речи. Но иногда контроль ослабевал, особенно когда я оставался наедине со свиньями и курами (с. 17).

Коммунист Айзек упрекает родителей главного героя в том, что они не участвуют в вечеринках. Айзек аж позеленел на общем фоне:

– Какие это такие еврейские посиделки? Ты мне, Моисей, национализм на шею не пристегивай!

– Я и не пристегиваю. Мне твоя шея не нужна ни за какие деньги. ... Ты ко мне в мой дом пришел и с налета начал говорить по-еврейски. Я тебе из личного уважения не перечил. И по-еврейски же тебе ответил и отвечаю. Но внутренне понимаю: надо было бы для правильности момента говорить по-русски. А не ограничиваться.

Из немецкого языка заимствуется *ферштеен*, *абгемахт*, но не в речи немцев (как можно было бы подумать, поскольку часть событий происходит во время Великой Отечественной войны), а в речи русского сотрудника органов, который тоже воевал. Используются диалектные русские слова, например: *техкать*, *смоктать*, *гай*, *шкутьельгать*, *выбрики*, *каганец*, *бухикать*.

Изобилие словесного материала не исчерпывается вышеприведенными примерами. Почти каждое предложение имеет какую-то особенность. Удивительным образом автор книги, родившаяся в 1960 г., сохранила в лингвистической памяти весь мир украинского города Остра и окрестностей, где жило много евреев, родным языком которых был идиш. Конгломерат языков носит уникальный характер, поскольку невоспроизводим, а повествование выглядит абсолютно достоверным. Мир, описанный Маргаритой Хемлин, был не таким разнообразным в языковом отношении, как мир сегодняшний, но очень сочным. Украинский звучал полноценно. Идиш прятался, но сохранял свое значение в домашних условиях, преимущественно в общении с пожилыми людьми, для которых он был первым (родным). Грамотный литературный русский язык был маркирован как язык не своих, чужих, пришлых. Русский был выучен украинцами хуже, евреями лучше, хотя и на недостаточно высоком уровне. Позже, после распространения русского языка через средства массовой информации, получил развитие суржик. Важно также, что у каждого персонажа романа есть своя речевая характеристика, отличающая его от других участников событий.

Заключение

Рассмотренные произведения позволили выявить несколько тенденций. Все авторы учитывают в своих книгах многокультурность, необходимость общения с людьми, говорящими на другом языке, упрощенный язык тех, кто говорит на нем как на выученном, а не на родном. Вез-

де передача чужой речи оказывается существенной для выражения тех мыслей, которые принципиальны для интеркультурных установок автора. Они соответствуют его ассоциациям и дают ему шанс подобрать к ним оптимальную форму высказывания. Если в сознании всплывает чужое слово, то оно вставляется в текст, либо разрывая его текучесть, либо адаптируясь к ней. Описываются и попытки вступить в межкультурную коммуникацию, и желание уйти от нее, чтобы избежать необходимости выражать свои мысли неполноценным образом, и умение находить общий язык, и неумение понимать друг друга.

Цитаты и вкрапления слов других языков выполняют важные функции: они меняют регистр, стиль, эмоциональную насыщенность повествования, показывают образованность автора, его осведомленность в философии, истории, религии. В зависимости от того, кто как говорит, оценивается и сам человек, и сообщество в целом. В некоторых случаях следует перевести или истолковать, возможно, новое для читателя слово, а в других его вообще оставляют без внимания. Престижные языки открывают двери и заставляют себя использовать, в то время как неблагонадежные языки принуждают скрываться и унижаться. Аналогичные тенденции свойственны многоязычным сообществам вообще [Myers-Scotton 2006]. Языки могут оставаться родными даже тогда, когда сами они частично забыты, служить символом идентичности. В нормальном устоявшемся языковом сообществе все говорят одинаково, но таковых осталось мало, в основном языковой сдвиг происходил в середине XX в. Чтобы не выделяться по языку, не быть посторонним, иногда приходится притворяться. Приходится перенимать, например, акцент, чтобы стать своим, и подражание такого рода – вещь весьма обыденная. Слова, усвоенные в детстве, остаются признаком теплых человеческих отношений, но могут отпугнуть того, кто считает, что перерос среду своего прошлого и хочет отказаться от нее.

Для авторов, написавших исследуемые книги, очевидно речевое разнообразие окружающего мира, но они справляются с ним по-разному. Одни уходят в русский язык, переводя на него и толкуя события, другие демонстрируют, как умеют, что тоже владеют иными языками, третьи воспроизводят утерянный многоголосый мир прошлого. Совершаемая работа по «перевариванию» полифонии и отражается в их текстах.

Список литературы

- Гримова О.А. Особенности функционирования нарративных интриг в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Новый филологический вестник. 2017. № 4. С. 48–58.
- Куликова Л.В., Микалаускайте Е.Ю. Функционально-прагматический подход к исследованию ксенонарративных текстов в пространстве литературно-нарративной коммуникации // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 403–418. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).403-418.

- Кунгурцева А.П. Языковые особенности неполных предложений в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Екатеринбург, 25 апр. 2019 г. Екатеринбург, 2019. Вып. 18. С. 78–83.
- Ларина Т.В. Основы межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2017. 191 с.
- Лепёнышева Д.И. Наивное письмо как художественный прием: роман Маргариты Хемлин «Клоцвог» // Молодая филология – 2018. Человек, культура, социум: сб. ст. по материалам Ежегод. науч. студ. конф. (Пермь, 24–25 апр. 2018 г.). Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2018. С. 104–107.
- Останчук О.А. Языковая мозаика в романе Маргариты Хемлин «Дознатель» // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. к юбилею проф. Наталии Евгеньевны Ананьевой / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2017. Вып. 55. С. 216–234.
- Подавылова И.А. Внутренние границы в романе М. Хемлин «Крайний» // Филологический класс. 2014. № 1. С. 92–95.
- Протасова Е.Ю. Проблема многокультурности в художественном тексте // Судьбы национальных культур в условиях глобализации / под ред. В.Г. Будыкиной. Челябинск: Энциклопедия, 2013. Т. 2. С. 221–224.
- Савина Д.В. Память языка в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Динамические процессы в языке и языковой картине мира: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 30 окт., 2020 г. Красноярск, 2021. С. 55–58.
- Савченко А.В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 1105–1124. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124.
- Свистунова И.А. Византийские исследования в Турции: история и современность // Культурологический журнал. 2019. № 3. С. 1–15. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/481.html&j_id=40.
- Хесед Л. История одного поколения. Маргарита Хемлин // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 72–82.
- Azevedo M.M. Foreigner Talk as a stylistic device in Erico Verissimo's Fiction // *Hispania*. 1992. Vol. 75. No. 5. P. 1154–1163.
- Fáy T. Sekundäre Formen des Foreigner Talk im Deutschen aus übersetzungswissenschaftlicher Sicht. Tübingen: Narr, 2012. 176 p.
- Fedorova K. Russian foreigner talk: stereotype and reality // *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic Contact and Borderland Varieties* / eds. D. Stern, C. Voss. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 177–189.
- Fischer K. Designing speech for a recipient: the roles of partner modeling, alignment and feedback in so-called 'simplified registers'. Amsterdam: Benjamins, 2016. 327 p.
- Jaspers J. Talking like a 'zerolingual': Ambiguous linguistic caricatures at an urban secondary school // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. No. 5. P. 1264–1278. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.05.012.
- Labotka D., Gelman S.A., Dubow E.F. The development of children's identification of Foreigner Talk // *Developmental Psychology*. 2020. Vol. 56. No. 9. P. 1657–1670. DOI: 10.1037/dev0001078.
- Mustajoki A. Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian // *Language Ideologies in Transition Multilingualism in Russia and*

- Finland / eds. M. Lähteenmäki, M. Vanhala-Aniszewski. Frankfurt am Main: Lang, 2010. P. 35–55.
- Mustajoki A., Protassova E., Yelenevskaya M. Centrifugal and Centripetal Forces Driving Russian Language Norms // *Quaestio Rossica*. 2021. Vol. 9, No. 2. P. 715–732. DOI: 10.15826/qr.2021.2.605.
- Muysken P. *Functional Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 297 p.
- Myers-Scotton C. *Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism*. Malden, MA: Blackwell, 2006. 457 p. DOI: 10.1093/applin/aml055.
- Rodriguez-Cuadrado S.R., Baus C., Costariguez-Cuadrado A. Foreigner talk through word reduction in native/non-native spoken interactions // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 419–426. DOI: 10.1017/S1366728917000402.
- Rosa J.P.O.D., Arguelles D.C. Do modification and interaction work? – A critical review of literature on the role of foreigner talk in second language acquisition // *I-manager's Journal on English Language Teaching*. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 46–60.
- Wooldridge B. 'Foreigner Talk': An important element in cross-cultural management education and training // *International Review of Administrative Sciences*. 2001. Vol. 67. No. 4. P. 621–634. DOI: 10.1177/0020852301674002.

References

- Azevedo, M.M. (1992), Foreigner Talk as a stylistic device in Erico Verissimo's Fiction. *Hispania*, Vol. 75, no. 5, pp. 1154–1163.
- Fáy, T. (2012), *Sekundäre Formen des Foreigner Talk im Deutschen aus übersetzungswissenschaftlicher Sicht*, Tübingen, Narr publ., 176 p. (in German).
- Fedorova, K. (2006), Russian foreigner talk: stereotype and reality. Stern, D., Voss, C. (eds.) *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic Contact and Borderland Varieties*, Wiesbaden, Harrassowitz publ., pp. 177–189.
- Fischer, K. (2016), *Designing speech for a recipient: the roles of partner modeling, alignment and feedback in so-called 'simplified registers'*, Amsterdam, Benjamins publ., 327 p.
- Grimova, O.A. (2017), Osobennosti funktsionirovaniya narrativnykh intrig v romane E.G. Vodolazkina “Aviator” [Peculiarities of functioning of the narrative intrigues in the novel “Aviator” by E.G. Vodolazkin]. *New Philological Herald*, No. 4, pp. 48–58. (in Russian).
- Jaspers, J. (2011), Talking like a ‘zerolingual’: Ambiguous linguistic caricatures at an urban secondary school. *Journal of Pragmatics*, Vol. 43, no. 5, pp. 1264–1278. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.05.012.
- Khesed, L. (2011), Istoriya odnogo pokoleniya. Margarita Hemlin [History of one generation. Margarita Hemlin]. *Voprosy literatury*, No. 1, pp. 72–82. (in Russian).
- Kulikova, L.V., Mikalauskaite, E.Yu. (2020), Xeno-narrative texts in literary and narrative communication: functional and pragmatic approach. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 2, pp. 403–418. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).403-418. (in Russian).
- Kungurtseva, A.P. (2019), Linguistic characteristics of the incomplete sentences in the novel “Aviator” by E.G. Vodolazkin. *Aktual'nye problemy filologii* [Actual problems of philology], Materials of the international scientific and practical confer-

- ence of young scientists, Yekaterinburg, April 25, 2019, Iss. 18, Yekaterinburg, pp. 78-83. (in Russian).
- Labotka, D., Gelman, S.A., Dubow, E.F. (2020), The development of children's identification of Foreigner Talk. *Developmental Psychology*, Vol. 56, no. 9, pp. 1657-1670. DOI: 10.1037/dev0001078.
- Larina, T.V. (2017), *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Fundamentals of Intercultural Communication], Moscow, Akademiya publ., 191 p. (in Russian).
- Lepyonysheva, D.I. (2018), Naivnoe pis'mo kak khudozhestvennyi priem: roman Margarity Hemlin "Klotsvog" [Naive writing as an artistic method: the novel "Klocvog" by Margarita Hemlin]. Podyukov, I.A. (ed.) *Molodaya filologiya – 2018. Chelovek, kul'tura, sotsium* [Young philology – 2018. Person, culture, society], Collection of articles on materials of annual scientific student conference (Perm, April 24-25, 2018), Perm, Perm State Humanitarian and Pedagogical University publ., pp. 104-107. (in Russian).
- Mustajoki, A. (2010), Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian. Lähteenmäki, M., Vanhala-Aniszewski, M. (eds.) *Language Ideologies in Transition: Multilingualism in Russia and Finland*, Frankfurt am Main, Lang publ., 2010, pp. 35-55.
- Mustajoki, A., Protassova, E., Yelenevskaya, M. (2021), Centrifugal and Centripetal Forces Driving Russian Language Norms. *Quaestio Rossica*, Vol. 9, no. 2, pp. 715-732. DOI: 10.15826/qr.2021.2.605.
- Muysken, P. (2008), *Functional Categories*, Cambridge, Cambridge University Press, 297 p.
- Myers-Scotton, C. (2006), *Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism*, Malden, MA, Blackwell publ., 457 p. DOI: 10.1093/applin/aml055.
- Ostapchuk, O. (2017), Linguistic mosaic in the Margarita Khemlin's novel *The Investigator*. Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.) *Language - Mind - Communication*, Iss. 55, Collection of scientific articles for the anniversary of the professor Natalia Evgenievna Ananyeva, Moscow, MAKSPress, pp. 216-234. (in Russian).
- Podavylova, I.A. (2014), Internal borders in M. Hemlin's novel "Extreme". *Philological Class*, No. 1, pp. 92-95. (in Russian).
- Protassova, E.Yu. (2013), Problema mnogokul'turnosti v khudozhestvennom tekste [The problem of multiculturalism in the artistic text]. Budykina, V.G. (ed.) *Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii* [The fate of national cultures in the context of globalization], Vol. 2, Chelyabinsk, Entsiklopediya publ., pp. 221-224. (in Russian).
- Rodriguez-Cuadrado, S.R., Baus, C., Costariguez-Cuadrado, A. (2018), Foreigner talk through word reduction in native/non-native spoken interactions. *Bilingualism: Language and Cognition*, Vol. 21, no. 2, pp. 419-426. DOI: 10.1017/S1366728917000402.
- Rosa, J.P.O.D., Arguelles, D.C. (2016), Do modification and interaction work? A critical review of literature on the role of foreigner talk in second language acquisition. *I-manager's Journal on English Language Teaching*, Vol. 6, no. 3, pp. 46-60.
- Savchenko, A.V. (2019), Lexico-semantic ukrainisms in Russian: stylistic and pragmatic aspect. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 6, no. 4, pp. 1105-1124. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124. (in Russian).

- Savina, D.V. (2021), Language memory in E.G. Vodolazkin's novel "Aviator". *Dinamicheskie protsessy v yazyke i yazykovoï kartine mira* [Dynamic processes in the language and the linguistic picture of the world], Materials of the 2nd all-Russian scientific and practical conference, Krasnoyarsk, October 30, 2020, Krasnoyarsk, pp. 55-58. (in Russian).
- Svistunova, I. (2019), Byzantine studies in Turkey: the history and the present time. *Journal of Cultural Research*, No. 3, pp. 1-15, available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/481.html&j_id=40. (in Russian).
- Wooldridge, B. (2001), 'Foreigner Talk': An important element in cross-cultural management education and training. *International Review of Administrative Sciences*, Vol. 67, no. 4, pp. 621-634. DOI: 10.1177/0020852301674002.

FOREIGN SPEECH AND COMMUNICATION WITH REPRESENTATIVES OF OTHER CULTURES IN CONTEMPORARY FICTION

E. Protassova

University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Abstract: Communication between people when one of them is a native speaker of a given language, and the other speaks it as a second language presents certain difficulties for both interacting sides. Each of them must meet the other's needs: every person should try to formulate thoughts in an accessible form and delve into the content, and for this purpose, both parts should use, for example, common words (cognates), borrowings, short sentences, agrammatic forms. Nationally determined models of communication seem strange to someone who looks at them from the outside. If a person is involved in them, once inside the situation, he may either feel superior, being supported by the majority in the environment, or vulnerable and inadequate, if he is in the minority. Sometimes the correctness of the decision made regarding the choice of an action in intercultural communication is associated with the experience of living in an intercultural environment. The article explores several modern novels: George Shulpyakov's "The Book of Sinan. Heart after the dark Bosphorus", Maxim Kantor's "Azart", Evgeny Vodolazkin's "Aviator", Vladimir Orlov's "Earth has the shape of a suitcase", Yulia Petrova's "Draw in English. Confession of an emigrant" and Margarita Hemlin's "Utter". The method of functional analysis of a sample of examples based on formal criteria is used. These works reflect some peculiarities of communication with foreigners and representatives of other languages, code-switching and borrowings. To illustrate this, several lexemes, replicas and dialogues are demonstrated, showing that each of the authors under consideration has a special approach to foreign language, somewhat stylistically coloured or foreign speech. The conclusion is made about the great importance of reflection over the language when creating fiction and about the special meanings reflected in the presentation of the speech of different characters.

Key words: borrowing, insertion, code-switching, foreigner talk, stylistically coloured speech, intercultural communication.

For citation:

Protassova, E. (2021), Foreign speech and communication with representatives of other cultures in contemporary fiction. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 465-480. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480. (in Russian).

About the author:

Protassova, Ekaterina, Ph.D. in Linguistics, Dr. hab. in Pedagogy, Assistant Professor, Adjunct Professor of the Department of Languages

ORCID: 0000-0002-8271-4909

Corresponding author:

Postal address: PO Box 24, Helsinki, 00014, Finland

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Received: May 14, 2021

Revised: May 26, 2021

Accepted: July 20, 2021